

ИДЕОЛОГЕМА «БРАТСКИЙ НАРОД»: ФАКТОР ЛЕГИТИМНОСТИ В КОНФЛИКТНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Репрезентация коллективной идентичности российского общества на многих этапах исторического развития осуществлялась посредством актуализации славянской тематики. «Славянская» идентичность конструируется в том числе и посредством идеологем «братский народ» и «братья-славяне», анализируемых в работе в содержательном единстве. Представленные идеологические элементы рационализируют политико-культурную локализацию славян, становясь фактором поддержания напряженности и легитимации политического конфликта как в контексте идеологической, так и постидеологической политики.

Ключевые слова: идеологема; «братский народ»; «братья-славяне»; конфликт; идентичность.

Для России идея уникальности, единства и особого пути является важной частью социально-политической жизни. В моменты необходимости утверждения, укрепления или сохранения государственности, сплочения народа, в целом легитимации социально-политического порядка и властных основ режимов, объединяющая и мобилизующая идея выступает тем необходимым звеном, который способен помочь преодолеть внутри- и внешнеполитические разногласия. Актуализацию спланированных идей, выражающих исключительность макрополитического сообщества, мы можем наблюдать на многих этапах политико-исторического развития страны. Так, нередко формой выражения уникальности и солидарности выступала славянская тематика, сыгравшая важную роль в политико-идеологических процессах имперской России и Советского государства.

Тема славянского единства и братства, тесно связанная с зарождением в начале XIX в. национализма, проявила себя в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. В преддверии и во время Первой мировой войны славянская идея вошла в официальный российский дискурс в форме солидарности с братской Сербией. Советская Россия обозначила основополагающим принцип пролетарского интернационализма, но позднее в СССР в предвоенные годы и в период Второй мировой войны вновь возникла потребность в актуализации схем, имеющих более глубокие социокультурные основания, – схем, способных мобилизовать национальное самосознание советского общества. Славянская тематика в репрезентации коллективной идентичности проявилась и в послевоенном геополитическом пространстве, и в период холодной войны.

В декабре 2016 г. исполнилось 25 лет со дня подписания Беловежского соглашения, когда три славянских республики – Белорусская, Украинская и РСФСР – образовали независимые государства. Констатируя неизбежный конец СССР, новые геополитические игроки заявили о создании Содружества Независимых Государств, открытого «для присоединения всех государств – членов бывшего Союза ССР, а также для иных государств, разделяющих цели и принципы настоящего Соглашения» [1]. Символический «братских народов союз вековой» [2], с нашей точки зрения, продолжил тем самым свое существование, не лишившись доминантного славянского атрибута, оказывающего влияние на современные российские политические процессы.

Значительную часть путинского периода в повестке дня научного сообщества, занимающегося проблемами политической жизни общества, ведущие позиции занимал вопрос о ценностно-символической составляющей российской политики. Продолжительное время мы говорили о фрагментарности, а порой и симулятивности идеологического пространства, и в целом – об утрате смыслов в отечественном политическом процессе. В новом избирательном цикле проблема смыслополагания в политике вновь приобретает научную актуальность. Современный российский политический дискурс насыщен ценностно-смысловыми конструкциями, выражающими особость и целостность «русской цивилизации». По нашему мнению, это свидетельствует о новых попытках реконструкции уникальной идентичности, в структуре которой наряду с ценностями патриотизма находится и идея этнокультурного родства и символической близости народов.

В данном случае речь идет о близких по своему содержанию формулах «братский народ» и «братья-славяне», которые в описаниях и интерпретациях политических отношений России с другими славянскими государствами нередко используются как синонимичные. В нашем исследовании мы объединим конструкции «братский народ» и «братья-славяне» в единую ценностно-символическую форму – идеологему, смысловая составляющая которой отсылает нас к символическому ареалу славянского народа или народов.

Идеологема, представая как смыслообразующий элемент идеологических конструктов, объединяет в себе ценностное начало и символические образы. Именно ценностно-символические основания наделяют ее многозначностью и системностью символа, но и определенностью ценности, встраивая смысл определяемого политического актора в пространство дуальных схем. Так символические основания позволяют воспринимать множественность смыслов и воплощений конструкции «братский народ», подразумевая как любое пространство расположенных к конструктивным отношениям народов, имеющих тесные политические, экономические, исторические связи с Россией, так и собственно все пространство этноязыковой общности славян, даже при наличии социально-политической напряженности или открытого конфликта между сторонами.

В идеологеме «братья-славяне» / «братский народ», на наш взгляд, возможно обнаружить два из-

мерения, которые образуются на фундаменте двойственности и многозначности символических компонентов. С одной стороны, идеологема «братья-славяне» является частью более широкой и универсалистской «Русской идеи», которую В.В. Ильин относит «к разряду так называемых великих панидей» [3. С. 68], вводящей славянский вопрос в орбиту тотальной идеологии (тотальной концептуальной модели) о мессианской цивилизационной роли России. Тотальную идеологию в данном случае следует трактовать, согласно концепции К. Мангейма, как систему, символически поддерживающую и структурирующую универсум. По своему объему понятие «тотальная идеология» во многом совпадает с понятием «культура» и выходит за пределы «политического». Находя свое выражение в традиции, она выступает как культурные основания воспроизводства конкретных форм поведения и деятельности, в том числе и в поле политики.

Таким образом, тотальная идеология предстает в качестве культурной формы, актуализация и концептуализация элементов которой могут осуществиться лишь в определенном социально-политическом контексте [4. С. 14–17]. Тотальную концептуальную модель «Русская идея» с ее актуализированным элементом «братский народ», с нашей точки зрения, можно обозначить как национальное сознание, образ мира, значимый для отдельных индивидов и их групп в рамках единого символического пространства – конструкта государства.

По справедливому замечанию Т. Гланца, «за пределами России такой преобладающей установки, столь сильного убеждения, что славяне – это главным образом “мы”, “наш народ”, не существует» [5]. Однако достаточно традиционное сочетание аморфного российского общества и сильного государства несет в себе значительный конфликтный потенциал, поскольку именно государство остается главным инструментом социальных преобразований, фактором политической динамики в целом, констатируя этот факт как свою историческую миссию.

С другой стороны, идеологема «братья-славяне» / «братский народ» выступает как форма типологизации и означивания единого, но, тем не менее, сегментированного этнокультурного пространства славян, о котором, к примеру, еще в XVII в. писал Ю. Крижанич. В частности, автор указывал на необходимость поддержания славянской общности. «Славянская общность» в данном случае трактуется как «славянская взаимность в политической, культурной и религиозной сфере» [6. С. 9]. Как отмечают исследователи, «славянская взаимность» как аналитическая категория носит универсальный характер и «включает все исторические, языковые, культурные, идейные связи славян, дающие им историческое право для оформления конкретных объединительных теорий и программ, союзов – региональных или этнических» [7. С. 11]. При этом, по Крижаничу, славянская взаимность опровергает саму идею о едином политическом центре славянских народов и даже противопоставляется автором централизованной великодержавности Москвы. Безусловно, Русь оставалась для Крижанича

своеобразным образцом и локомотивом славянского единства и славянского мира, но, тем не менее, по твердому убеждению автора, это пространство может быть унифицировано только лишь посредством одной символической системы – «всеславянского языка», имеющего надполитический характер.

Здесь уже в саму идею о славянском братстве и славянской общности заложено совершенно отличное представление о политической деятельности и политическом поведении, как и сущности политики вообще. Единое «славянское» пространство конституируется культурно-этнической уникальностью или, по крайней мере, характерной специфичностью, вне политической универсальности.

В современных условиях идеологема «братский народ», как и «братья-славяне», выступает средством саморепрезентации российского общества. Несмотря на идейно-внешнеполитическую ориентацию, ценностно-символическая конструкция славянского родства используется преимущественно для «внутреннего употребления» [8]. В том числе через данную форму осуществляются процессы означивания, интерпретации и осмысления политико-культурного пространства своего существования. В политическом измерении это означивание и выделение единого символического пространства определяют наличие «специфической идентичности», которая, по мнению Т. Иглтона, несет в себе значительный заряд конфликтности. Автор, анализируя феномен культуры и основания культурного самоопределения, отмечает: «...все то, что некогда считалось сферой консенсуса, превращается в территорию конфликта» [9. С. 62], подразумевая, что все те коды, которые прежде относились к сфере универсализации человеческого существования, становятся факторами рационализированной локализации и напряженности. Так, можно полагать, политико-культурный феномен «славянской» идентичности входит в пространство политического конфликта, становится частью языка конфликта и легитимирует конфликт.

Проблему конфликтогенного потенциала идеологемы «братский народ / братья-славяне» возможно объяснить в контексте двух противоборствующих моделей политики, которые выражают совершенно отличное качество и характер политической практики и политической активности. Эти две формы Д. Шварцмантель предлагает определять как идеологическую политику и политику идентичности. Первая, в авторской трактовке, «олицетворяет стремление объединить людей для того, чтобы воплотить в жизнь масштабные проекты социальной трансформации» [10. С. 212], в то время как «политика идентичности олицетворяет поощрение различий и видение того, что цели политической активности должны быть скорее “оборонительными”, а не тотальными» [Там же. С. 211]. С учетом фрагментации идеологического пространства в современных обществах и трансформации ценностно-символической сферы политики, сосредоточения на частном, локальном и уникальном, идеологическая политика, вероятно, утрачивает свои позиции. Д. Шварцмантель настаивает, что «большая гетерогенность современного общества наряду со

знанием того, чем опасны тоталитарные извращения политики, спровоцировали отрицательную реакцию на идеологическую политику. Эта реакция, облаченная в форму политики идентичности, вылилась в больший акцент на тех идентичностях, которые имеют для людей особенную ценность и в которых те видят основу для своей политической активности» [10. С. 213].

Однако концепция постидеологической политики вызывает закономерный вопрос о ее реальных возможностях сохранения и актуализации либо «преодоления» традиции, особенно укорененной политико-культурной традиции российских общества и власти. В связи с этим не становится ли и масштабный символический проект «славянского братства», вплетенный в традиционалистскую канву тотальной «Русской идеи», неадекватным тенденциям нормативно-символического измерения политики и актуальным социально-политическим практикам?

Напротив, идеологема «братья-славяне» / «братский народ» является одной из тех традиционалистских символических форм, которая способна обеспечить смысловую ориентацию большей части населения. Современная российская идеология, утратив жесткость формы и будучи трансформирующейся «открытой» системой, ориентируется главным образом на традиционные формы символизации. При этом мы не должны забывать, что какой бы интерпретативной схемы в анализе идейно-символической конструкции «братья-славяне» / «братский народ» мы не придерживались – идеологической или постидеологической, в каждом случае ценностные основания идеологических элементов будут структурировать представления о социально-политическом мире.

Так, традиционно в схемы репрезентации макрополитического сообщества включаются характерные для ценностей бинарные противопоставления – образы «своих и чужих», предполагающие наличие другой, часто враждебной стороны. Следует отметить, что в российских политических практиках в качестве антитезы в идеологеме при наличии реальных и потенциальных конфликтных взаимодействий обнаруживается скорее не «враждебный народ», а некоторый центр власти, условное «правительство» характеризу-

емого «славянского» государства. Таким образом российская идейно-символическая сфера политики каждый раз реагирует на актуальные вопросы и вызовы мультикультурного общества, когда сформированный образ «братского народа» и связанные с ним смысловые коннотации «активизируются» на любом из необходимых этапов политического процесса, что обеспечивает идентификацию населения «здесь и сейчас».

С позиций же политики идентичности идея славянского братства, как и «Русская идея», становится региональным проектом. И здесь мы обнаруживаем дополнительное основание для возникновения конфликта в нормативно-символической сфере. Это напряженность, связанная с расхождениями локальной и глобальной политики и культуры. Сценарий этого конфликта разворачивается в плоскости противоборства регионального патернализма России и глобального плюрализма. Последний в борьбе за разнообразие культурных, социальных, этнических и национальных, экономических и политических форм самоопределения возводит это разнообразие и эту борьбу в ранг политической универсализации. В контексте российского политического процесса идеологема «братья-славяне» / «братский народ» дополнительно легитимирует возникающий конфликт. Противоборство между политикой идентичности и политико-культурной цивилизационной моделью – «Российской цивилизацией» – наделяет локальный проект «славянского братства» новым смыслом. Определяя универсальность славянской идеи специфичностью исторических, культурных, политических и этноязыковых характеристик и связей, иными словами, апеллируя к «мифологии корней», использование идеологемы обосновывает единство виртуального славянского мира. Мобилизуя заданные значения, служащие установлению, поддержанию и признанию определенного порядка, она обеспечивает тем самым основания для политической идентичности.

Таким образом, конфликтное измерение славянской идентичности оказывает в конечном итоге влияние «на основные аспекты политической борьбы и политической организации в данном обществе» [11. С. 78], становясь значимой частью представлений о социально-политической действительности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Соглашение о создании Содружества Независимых Государств. 8 декабря 1991 г. // Виртуальная выставка к 1150-летию зарождения российской государственности // Портал Архивы России : Федеральное архивное агентство. URL: <http://www.rusarchives.ru/projects/statehood/10-12-soglashenie-sng.shtml> (дата обращения: 30.09.2016).
2. Тексты гимнов Советского Союза и России, написанные Сергеем Михалковым // РИА Новости : сетевое издание. URL: <https://ria.ru/culture/20090827/182589876.html> (дата обращения: 30.09.2016).
3. Ильин В.В., Ахизер А.С. Российская цивилизация: содержание, границы, возможности. М. : Изд-во МГУ, 2000. 304 с.
4. Барботько Л.М., Войтов В.А., Мирский Э.М. Тотальная идеология против тоталитарного государства // Вопросы философии. 2000. № 11. С. 12–27.
5. Глац Т. Славянская борьба в Центральной Европе // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2007. № 6. С. 40–51. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2007/6/gl6.html> (дата обращения: 8.10.2016).
6. Крижанко Ю. Политика. М. : Новый Свет, 1997. 527 с.
7. Рокина Г.В. Теория и практика славянской взаимности в истории словацко-русских связей XIX в. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2005. 300 с.
8. Миноровский А.В. Болгарию с любовью: панславизм вчера и сегодня // Русский журнал : сетевой журнал. URL: <http://www.russ.ru/pole/V-Bolgariyu-s-lyubov-yu-panslavizm-vchera-i-segodnya> (дата обращения: 17.07.2016).
9. Иглтон Т. Идея культуры. М. : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2012. 192 с.
10. Шварцмантель Д. Идеология и политика. Харьков : Гуманитарный центр, 2009. 312 с.
11. Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ: сравнительное изучение цивилизаций. М. : Аспект-Пресс, 1999. 416 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 10 января 2017 г.

THE IDEOLOGEME “BROTHERLY NATION”: THE LEGITIMACY FACTOR IN A CONFLICTUAL SPACE

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 415, 115–118.

DOI: 10.17223/15617793/415/15

Veronica G. Skochilova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: veronassk@gmail.com

Keywords: ideologeme; “brotherly nation”; “brothers Slavs”; conflict; identity.

The article is devoted to the research of the representation of Russian society’s collective identity in the descriptive and interpretative context of Russia’s political relations with other Slavic nations. It is shown that the Slavic theme is an integral part of the native symbolic policy. At many politico-historical stages of the development of the nation (Russian Empire, Soviet state, post-soviet Russia), the dominant Slavic attribute represents a means to express the notion of uniqueness, solidarity and particular path. In contemporary Russia again a unique identity is reconstructed, where patriotic values, the notion of ethno-cultural kinship and symbolic nearness of nations are present in its structure. In this context such constructs of symbolic value as “brotherly nation” and “brothers Slavs” the author analyses in the substantial unanimity of the “Slavic” ideologeme are of high interest. The ideologeme is treated as a sense-forming element of ideological constructs, the symbolic basis of which give a plurality of meanings and incarnations to the construct “brotherly nation / brothers Slavs”. Thus, the examined ideologeme appears through various interpretations as either part of the universal “Russian idea”, bringing the Slavic problem in the orbit of the total conceptual model of the messianic civilizational role of Russia, or as a form of typology and creation of meanings of a segmented ethno-cultural Slavic space, brought together by the notion of “Slavic reciprocity”. It is established that in the first case the notion “Slavic brotherhood” acquires a political universality and becomes an integral part of the symbolic political space of the Russian state; in the second case a unified Slavic space has a supra-political quality and is constructed solely through ethno-cultural uniqueness. It is emphasized that at the contemporary stage the ideologeme “brotherly nation / brothers Slavs” is also seen as a means of self-representation of the Russian society and expression of a specific Slavic identity, which, however, becomes a factor of political tension and a means of conflict legitimization. The problem of the conflictogenic potential of the ideologeme “brotherly nation / brothers Slavs” was analysed in terms of ideological policy and identity policy as two opposing models of the politico-symbolic practice. It is shown that the relay of big ideological projects with constant forms of expression of the unique identity does not take away the orientation and mobilisation characteristics from the ideological symbolic construct. In both ideological and post-ideological policies the value-oriented basis of the ideological elements structures the representation of the socio-political world, building meanings in the space of dual schemes, maintaining the conflicting world image. It is also shown that the idea of Slavic brotherhood, and of the “Russian idea”, has become a regional project in terms of the identity policy, a project opposed to the global and universal pluralistic policy and culture. In the context of the Russian political process, the ideologeme “brotherly nation / brothers Slavs” extra-legitimizes the emergent conflict, grounding the unity of the Slavic world by the “roots” myth.

REFERENCES

1. Archives in Russia: Federal Archival Agency. (1991) Soglasenie o sozdanii Sodruzhestva Nezavisimyykh Gosudarstv. 8 dekabrya 1991 g. [Agreement on the establishment of the Commonwealth of Independent States. December 8, 1991]. *Virtual'naya vystavka k 1150-letiyu zarozhdeniya rossiyskoy gosudarstvennosti* [A virtual exhibition on the 1150th anniversary of Russian statehood]. [Online] Available from: <http://www.rusarchives.ru/projects/statehood/10-12-soglasenie-sng.shtml>. (Accessed: 30 September 2016).
2. RIA Novosti. (n.d.) *Teksty gimnov Sovetskogo Soyuz i Rossii, napisannye Sergeem Mikhalkovym* [The texts of the hymns of the Soviet Union and Russia written by Sergei Mikhalkov]. [Online] Available from: <https://ria.ru/culture/20090827/182589876.html>. (Accessed: 30 September 2016).
3. Il'in, V.V. & Akhiezer, A.S. (2000) *Rossiyskaya tsivilizatsiya: soderzhanie, granitsy, vozmozhnosti* [Russian civilization: the content, limits opportunities]. Moscow: Moscow State University.
4. Barbot'ko, L.M., Voytov, V.A. & Mirskiy, E.M. (2000) Total'naya ideologiya protiv totalitarnogo gosudarstva [Total ideology against a totalitarian state]. *Voprosy filosofii*. 11. pp. 12–27.
5. Glants, T. (2007) Slavyanskaya bor'ba v Tsentral'noy Evrope [Slavic struggle in Central Europe]. *Neprikosnovennyi zapas. Debaty o politike i kul'ture*. 6. pp. 40–51. [Online] Available from: <http://magazines.russ.ru/nz/2007/6/gl6.html>. (Accessed: 8 October 2016).
6. Krizhanich, Yu. (1997) *Politika* [Politics]. Moscow: Novyy Svet.
7. Rokina, G.V. (2005) *Teoriya i praktika slavyanskoy vzaimnosti v istorii slovatsko-russkikh svyazey XIX v.* [Theory and practice of the Slavic reciprocity in the history of Slovak-Russian relations in the 19th century]. Kazan: Kazan State University.
8. Minorovskiy, A. (2012) V Bolgariyu s lyubov'yu: panslavizm vchera i segodnya [To Bulgaria with love: Pan-Slavism yesterday and today]. *Russkiy zhurnal*. [Online] Available from: <http://www.russ.ru/pole/V-Bolgariyu-s-lyubov-yu-panslavizm-vchera-i-segodnya>. (Accessed: 17 July 2016).
9. Eagleton, T. (2012) *Ideya kul'tury* [The idea of culture]. Translated from English. Moscow: Higher School of Economics.
10. Shvartsmantel, D. (2009) *Ideologiya i politika* [Ideology and politics]. Translated from English. Kharkiv: Gumanitarnyy tsentr.
11. Eisenstadt, S.N. (1999) *Revolutsiya i preobrazovanie obshchestv: sravnitel'noe izuchenie tsivilizatsiy* [Revolution and the transformation of societies: a comparative study of civilizations]. Moscow: Aspekt press.

Received: 10 January 2017